

С. Хейнеман, К. Андерсон, Н. Нуралиева

ЦЕНА КОРРУПЦИИ В СЕКТОРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ*

Статья поступила
в редакцию
в июне 2008 г.

Коррупция была распространена во взаимоотношениях между бизнесом и органами государственного управления в России и других странах бывшего СССР как до, так и в ходе экономических преобразований 1990-х годов. Этому явлению сложно дать количественную характеристику, однако можно ранжировать страны по уровню их коррумпированности, например в сфере бизнеса или государственной службы. На рис. 1 приведена карта распространения коррупции в государственном секторе по данным справочника *Transparency International Corruption Perceptions Index* за 2005 г.¹

1. Введение.
Коррупция
в условиях
экономики
переходного
периода

Рис. 1.

Представления о коррупции на карте мира

Источник: Transparency International, 2005.

* Heyneman S.P., Anderson K.H., Nuraliyeva N. The cost of corruption in higher education // Comparative Education Review. 2007. Vol. 51. № 2. P. 1–25 (пер. с англ. С. Кучковской).

¹ Адрес веб-страницы, на которой представлена эта карта и другая информация по индексу представления о коррупции (Corruption Perceptions Index): www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2005.

Страны бывшего СССР, включая Центральную Азию и Кавказ, в этом рейтинге вошли в число самых коррумпированных. Индекс представления о коррупции (Corruption Perceptions Index, ИПК) — это «сложный индекс, построенный на материалах опросов, экспертных оценок и обследований фирм, проводимых разными независимыми учреждениями с хорошей репутацией. Индекс представления о коррупции отражает складывающиеся в мире точки зрения, в том числе мнения экспертов — представителей обследуемых стран» [42. С. 9].

После распада СССР в ходе последовавшей за этим децентрализации управления министерства и местные органы власти стали работать более самостоятельно, чем в условиях плановой экономики. Механизмы влияния со стороны центра ослабли, и стремление к использованию служебного положения в личных целях оказалось менее контролируемым по сравнению с плановой системой. В результате в первые годы независимости наблюдался рост коррупции в целом и имело место неэффективное управление на всех уровнях. Сектор образования также не имел иммунитета против этого социального зла [36; 35]. Чиновники из Министерства образования стали вымогать взятки за аккредитацию образовательных учреждений и организацию закупок¹. Администраторы требовали мзду за прием на обучение, решение вопросов с проживанием, платой за пользование учебниками, завышение оценок, сдачу экзаменов и получение документов об образовании. Преподаватели брали взятки за поступление, завышение оценок и сдачу экзаменов, требовали от студентов приобретать собственные учебники.

Судя по имеющимся сведениям, в СССР уровень коррупции в образовании был ниже, чем в других секторах экономики. «Справедливость» системы, особенно в отношении детей пролетарского происхождения и меньшинств, была провозглашена на уровне идеологии. В период переходной экономики централизованное управление в образовательной сфере было разрушено, и различные агенты образовательного рынка (должностные лица из министерства, ректоры, профессорско-преподавательский состав и персонал) перестали взаимодействовать. Децентрализация управления и приватизация не уменьшили взяточничество — напротив, существенно его увеличили.

Особенно быстро рост коррупции происходил там, где ограничивалась международная конкуренция со стороны частных поставщиков услуг образования, например в Таджикистане и Узбекистане [37]. Весьма вероятно, что на этом этапе качество образования ухудшилось из-за злоупотребления служебным положением отдельными агентами.

На рынок вышли местные частные поставщики образовательных товаров и услуг. В ряде случаев образовательные услуги пре-

¹ В настоящем материале под коррупцией мы подразумеваем взятки в денежном выражении. Однако коррупция может также иметь неденежные формы: незаконное завышение текущих оценок студента или результатов экзамена в качестве «оказания услуги» семье, друзьям или важным лицам.

доставлялись зарубежными агентами. Новые поставщики проводили обучение на национальном или на иностранном языке. Собственниками учебных заведений были либо национальные акторы, либо зарубежные, предоставляющие услуги с брендами¹.

В настоящее время причины и механизмы коррупции в секторе образования весьма разнообразны. Взятку можно получить восемью разными способами (табл. 1). В случае организации закупки и аккредитации покупателем является образовательное учреждение, а продавцом — орган управления, обычно Министерство образования. При незаконном зачислении на специализированные программы, завышении оценок или получении обычных услуг (проживание, пользование библиотекой и административные процедуры) покупателем выступает студент, а продавцом — преподаватель или администрация вуза. От студентов иногда требуют показать своему преподавателю, что они купили в магазине его авторский учебник (а не пользовались книгой, взятой на время), перед тем как они получают допуск на сдачу заключительного экзамена. Аспирантам может быть предложено дать взятку, чтобы член диссертационного комитета согласился поставить подпись на их докторской диссертации. Участниками таких сделок выступают преподаватели, ректоры и другие административные работники, а также сотрудники Министерства образования.

Таблица 1 Виды коррупции в образовании с указанием покупателя и продавца

ПРОДАВЕЦ \ ПОКУПАТЕЛЬ	РЕКТОРЫ	СТУДЕНТЫ	ПОСТАВЩИКИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ	Аккредитация		Закупки
РЕКТОР		Приемные экзамены	
ДРУГИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РАБОТНИКИ		Библиотечное обслуживание Решение вопросов проживания	
ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ ПЕРСОНАЛ		Приемные экзамены Экзаменационные оценки Задержка отзыва на дипломную работу Текущие оценки Продажа учебников	

С точки зрения перспективы социального развития коррупция в образовательном секторе может иметь более губительные последствия, чем продажность в политике, таможенной службе или в других областях, поскольку содержит элементы аморальности и

¹ В соответствии с иерархией цен и престижностью обычно выделяются четыре категории учебных заведений: 1) национальные учреждения (государственные или частные), выдающие, например, документ об образовании на национальном языке; 2) национальные учреждения, выдающие документ о степени на языке международного общения; 3) международные учреждения неизвестных брендов, выдающие документ об образовании на языке международного общения; 4) международные учреждения с широко известным брендовыми наименованиями, выдающие документ о степени на языке международного общения.

незаконности и вовлекает в сферу своего влияния молодежь. Значительную часть видов коррупции в образовательной сфере определяют термином «должностное преступление», что подразумевает деяния, противоречащие кодексу поведения университетской профессуры [6]. Однако «коррупция» содержит элементы, выходящие за рамки профессионального поведения. Сюда может относиться и коррумпированность собственно учреждений. Так, если учебное заведение получило аккредитацию за взятки [15; 16], существует вероятность, что оно будет выпускать специалистов, которые могут представлять общественную опасность ввиду низкого профессионального уровня и отсутствия необходимых навыков работы. Совершающие мошенничество вузы обманывают общество, так как они получают незаконную ренту и совершают преступление в стенах того самого учреждения, которое было создано с целью отбора будущих руководителей на справедливой и объективной основе [29].

Коррупция может способствовать повышению эффективности в тех случаях, когда плата за обучение установлена законодательно и неадекватна рыночной цене услуги или когда имеет место запаздывание в применении законодательства. Ahlin, Bose [1] показывают, что поведение чиновников, которые до некоторой степени честны и для которых взяточничество является фактором повышения эффективности, становится разрушительным для работы учебного заведения, когда коррупция превращается в постоянный механизм деятельности и потребители вынуждены неоднократно обращаться за получением разрешений и лицензий. Если нормативные (часто централизованные) структуры ослаблены, появляется широкий спектр вариантов коррупции, обусловленный уровнем культуры.

Социальные выгоды от коррупции наименее вероятны именно в образовательной сфере, поскольку коррупция негативно влияет на все остальные социальные цели инвестирования в образование [3]. Принимая во внимание тот факт, что образование является способом создания модели правильного поведения для детей и молодежи, коррумпированное образование может иметь для общества более пагубные последствия, нежели коррумпированная таможенная служба или полиция: если система образования продажна, можно ожидать, что она воспитает граждан, которым такая модель поведения будет представляться естественной.

Эффективность работы образовательного учреждения снижается также, если должностные лица подвержены влиянию таких факторов, как фаворитизм в отношении своей этнической, региональной или религиозной группы, и зачисляются на обучение студентов с недостаточным уровнем подготовки, принимают на работу неквалифицированных преподавателей: в результате образование превращается в дорогостоящий низкокачественный товар. Вместо того чтобы повышать конкуренцию внутри вуза, взяточничество ее ограничивает, снижая одновременно качество образования.

Если становится известно, что в колледже или университете профессорско-преподавательский состав и администрация берут взятки за поступление, завышение оценок или предоставление документа о завершении обучения в данном учебном заведении, это может отрицательно сказаться на позициях университета на рынке труда. На отечественных рынках труда, особенно там, где много государственных предприятий, риск ниже, поскольку у выпускников меньше выбор рабочих мест. Но в частном секторе — и особенно в компаниях, осуществляющих набор работников на международных рынках труда, — коррупционная репутация университета может иметь для него более серьезные негативные последствия. При этом возникают вопросы о том, насколько общим является представление о коррупции и насколько сложившееся представление о коррупции отличается от ее фактического проявления.

Опросы студентов университетов Сербии, Хорватии, Болгарии и Молдовы были организованы при спонсорской поддержке местных студенческих организаций. Студентам, отобраным по случайной выборке, были заданы вопросы о том, насколько они слышали о коррупции при зачислении, о завышении оценок и решении вопросов проживания за плату, а также об их отношении к этому явлению. Значительная часть этих вопросов была идентична во всех четырех обследованиях, хотя в Сербии в анкету были включены дополнительные вопросы, направленные на более точное выявление незаконных продавцов и покупателей услуг внутри университетов.

Что касается Центральной Азии, то здесь имеется информация по Казахстану и Киргизии. Данные по Казахстану были получены от одного университета с иностранным управлением. Опрос был направлен на оценку преподавания по всему преподавательскому корпусу в 2001/2002 и 2004/2005 учебных годах. Из пяти заданных вопросов один касался взяточничества. Вторым источником информации являются обследования высших учебных заведений Киргизии, которые были выполнены Eberts Fund. Однако у нас нет первичных данных по обследованным учреждениям: ни в одном из проектов не собиралась информация о взяточничестве, когда покупателем являлось учреждение, — поэтому мы не располагаем информацией о коррупции в связи с аккредитацией и закупками и нам приходится ориентироваться на общедоступную информацию о коррупции в этих учреждениях.

Студенты университетов шести стран, пользуясь Антикоррупционной студенческой сетью для Юго-Восточной Европы (Anti-Corruption Student Network in Southeastern Europe), провели в своих странах опросы по случайным выборкам студентов для выяснения того, сталкивались ли они лично с коррупцией и как они относятся к коррупции в секторе образования¹. Студенты участвовали

2. Коррупция в высшем образовании в Европе и Центральной Азии

2.1. Случаи коррупции: конкретные примеры

¹ На веб-сайте дана информация об этой организации и ее программах: www.soros.org/initiatives/hesp/focus/sesi/network_anti.

в разных опросах, в которых задавались вопросы о мошенничестве. Опросы не были скоординированы, и соответственно у студентов могли быть разные представления о том, что означает мошенничество, однако все понимали, что оно связано с нарушением правил, хотя и представляет собой обычное явление.

Для Болгарии, Сербии, Хорватии и Молдовы характерна значительная коррупция при приеме в учебные заведения и завышении оценок. Но наибольших масштабов коррупция достигает в Сербии (табл. 2).

Таблица 2 Мнения студентов университетов о коррупции (%)

	Болгария	Хорватия	Молдова	Сербия
Никогда не слышал о незаконных методах поступления	21	40	21	16
Полагаю, что есть возможность поступить в обход официальной процедуры отбора	37	35	38	45
Есть профессора и преподаватели, незаконно изменяющие балл тестового контроля при поступлении	33	28 ^a	36 ^a	36
Есть студенты, пользующиеся некоторыми незаконными методами при поступлении	18	18	40	—
Есть студенты, покупающие результаты приемных экзаменов	9	3	—	6
Знаю о взятках среди профессорско-преподавательского состава за завышенные оценки или сдачу экзамена	60	62	80	66
Дал бы взятку за завышение оценки	17	15	31	20
Когда-то платил за сдачу экзамена или завышение оценки	7	0,5	28	4

^a Вопрос: «Возможности незаконного изменения балла за тестирование при поступлении».

От 80 до 84% студентов в Болгарии, Молдове и Сербии знали о практике незаконного получения денег за зачисление на обучение. 35–45% полагали, что можно обойти официальную процедуру отбора, и 28–36% считали, что за взятку могут повысить свой проходной балл. В среднем 18–20% студентов в Болгарии, Хорватии и Сербии и 40% студентов в Молдове ответили, что прибегали к некоторым незаконным методам, чтобы поступить в университет.

У значительной части студентов из всех четырех стран отношение к коррупции фатальное. Лишь несколько человек в каждой национальной выборке сказали, что они сообщили бы о злоупотреблении, если бы заметили его, или испытывали бы неловкость в такой ситуации, но большинство студентов прибегли бы к обману, если бы смогли сделать это незаметно (табл. 3).

Тем не менее даже в таких обстоятельствах, при которых обман является «нормой», 11–14% студентов и преподавателей сопротивляются соблазну и считают коррупционное поведение неприемлемым.

Таблица 3 **Какие чувства вы испытываете по отношению к мошенничеству?**
 (% ответивших «да»)

	Болгария	Хорватия	Молдова	Сербия
Будете ли вы испытывать неприятное чувство, если на экзамене совершите мошенничество?	20	25	35	22
Совершите ли вы мошенничество, если окажетесь в ситуации, когда можно сделать это незаметно?	60	76	67	69
Известно ли вам о случаях мошенничества на экзаменах в вашем университете?	77	73	59	79
Следует ли студентам давать списывать свои тесты?	80	75	65	78

Что же следует делать с теми, кто был пойман за руку? В Болгарии 34% студентов считают, что этих людей следует исключать из вузов; в Сербии 36% студентов одобрили жесткое наказание, такое как исключение из вуза, юридическое преследование, тюремное заключение и общественное порицание. Однако 90% студентов не припомнили ни одного случая наказания преподавателя, уличенного в получении взятки, и 87–90% из них не знали о наказании студентов, прибегавших к обману [31].

При проведении опросов в государственных университетах Киргизии большинство студентов заявили, что в их вузах «берут взятки» (табл. 4).

Таблица 4 **Студенты, обучающиеся в университетах в Киргизской Республике, называющие свой вуз коррумпированным (%)**

Киргизский технический университет	68,0
Киргизский аграрный университет	67,5
Национальный государственный университет	64,9
Бишкекский государственный университет	62,0
Медицинская академия	59,6
Киргизский государственный университет строительства и архитектуры	59,0
Киргизский славянский университет (российский)	51,0
Международный университет в Киргизстане	49,5
Киргизская государственная академия физической культуры и спорта	34,3
Американский университет Центральной Азии	5,1

Источник: Ebert Fund, <http://akipress.org/news/26369> (на русском языке).

Можно предположить, что частные университеты, управление которыми осуществляют собственники, а также филиалы зарубежных вузов будут менее коррумпированы, чем государственные учебные заведения: иностранный университет должен придерживаться двух источников норм и правил — той страны, где он расположен, и собственной страны. Это подтверждается данными по Казахстану и Киргизии. Здесь только 51% студентов, обучающихся в Американском университете Центральной Азии, ответили, что в их уни-

верситетах «берут взятки», в отличие от 50–70% в национальных вузах (Ebert Fund, 2 марта 2006 г.)¹. О том же свидетельствуют и другие данные по Казахстану. Студентам университета, находящегося в собственности граждан Турции, задали вопрос, были ли преподаватели готовы брать подарки и другие виды «оплаты» и отличались ли читаемые ими курсы высоким профессиональным уровнем. Характеристики курса и преподавателя определяли в терминах качества лекций и семинаров, уважения со стороны студентов и объективности при оценке успехов студентов. Средний балл для четырех вопросов о профессиональных качествах определял рейтинг преподавателя с точки зрения его профессиональных навыков. Профессорско-преподавательский персонал заранее не знал, что в анкету для студентов будет включен вопрос о взяточничестве. При проведении опроса студентов в 2004/2005 учебном году профессорско-преподавательский персонал был осведомлен о том, что вопрос о взятках будет включен в анкету и что этот вопрос изменен таким образом, чтобы взяточничество можно было рассматривать отдельно от подарков, которые не требовали взамен услуг от преподавателя. Переформулированный вопрос был поставлен так: «Требовал ли от вас преподаватель подарки или взятки?» В 2001 г. 7% студентов заявили, что профессорско-преподавательский персонал вуза принимал подарки. Однако при повторном обследовании спустя четыре года этот показатель сократился до 3,3%. При этом было выявлено значительное сокращение доли студентов, сообщавших о том, что профессорско-преподавательский персонал принимает подарки и берет взятки, после того как стало известно, что в анкеты будет включен соответствующий вопрос. Таким образом, в Казахско-Турецком университете, как и в Американском университете Центральной Азии, благодаря действующим в них международным стандартам профессионального поведения профессорско-преподавательского персонала и администрации взятки берут меньше, чем в государственных вузах.

2.2. По каким дисциплинам с большей вероятностью берут взятки

Внутри высших учебных заведений коррупция варьирует в широких пределах на разных факультетах и по разным отраслям знаний. Это демонстрируют данные по Казахско-Турецкому университету (табл. 5). В 2001 г. получение взяток было самым высоким на факультетах химии, всемирной истории, казахской литературы, языка, политологии и экономики, а самым низким — на факультетах физики, русского языка и изобразительного искусства. О взяточничестве сообщили 16,8% студентов, изучающих органическую и физическую химию и 8,1% изучающих экономику. Спустя четыре года взяточничество сократилось на всех факультетах, кроме факультетов английского языка, экономики, менеджмента, графики и

¹ В данном контексте «национальные» означает, что университеты имеют аккредитацию в стране в отличие от международной аккредитации. Это не субнациональная географическая территория или регион внутри страны.

юридического. В то же время, как следует из полученных ответов, на экономическом факультете число случаев получения взяток возросло с 8 до 10%, а на юридическом — с 5,4 до 12,8%.

Таблица 5 **Взяточничество на факультетах Казахско-Турецкого университета, 2001 и 2005 гг.**

Специальность	Процент берущих взятки (2005 г.)	Процент берущих взятки (2001 г.)
Дизайн	0	9,0
Физика	1,0	5,6
Русский язык	1,3	4,9
Изобразительные искусства	1,7	8,4
Информационные системы	1,8	5,1
Органическая и физическая химия	2,1	16,8
Всемирная история	2,3	14,9
Центр лингвистики	2,4	3,1
Изучение турецкого языка	2,5	7,1
Моделирование одежды	2,6	4,4
Всемирная литература	2,6	5,3
История Казахстана	2,7	4,0
Казахская литература	2,8	10,8
Механика	3,0	4,6
Физическая культура	3,1	7,9
Казахский язык	3,1	9,2
Музыка и пение	3,4	5,3
Общая и неорганическая химия	3,7	10,1
Высшая математика	3,8	6,9
Иностранный язык	3,8	5,7
Экология	3,8	0
Политология	5,0	9,5
Биология	5,2	5,9
Английский язык	5,9	3,9
Графика	7,8	6,9
Экономика и менеджмент	10,1	8,1
Право	12,8	5,4

Источник: Чимкентский институт социологических исследований, Чимкент, Казахстан, 2006.

В целом взяточничество более характерно для дисциплин, пользующихся высоким спросом, — юриспруденции, экономики, финансов и криминологии, на которых выше конкурс на вступительных экзаменах, плата за обучение и тьюторство, а также за завершение обучения. Плата за обучение обычно бывает выше на сертификационных программах (таких как программа по подготовке специалистов для таможенной службы), где возможностей для взяток больше. Взяточничество может также иметь место, когда университеты стремятся получить аккредитацию при Министерстве образования, чтобы предлагать программы такого рода.

Должностные лица высокого ранга, которых интервьюировали в России, говорили о том, что заработная плата профессоров и преподавателей в государственных вузах составляет 50% от зар-

платы, выплачиваемой в частном секторе преподавателям с ученой степенью в области гуманитарных наук, 30% и меньше — от зарплаты преподавателей частных университетов в области экономики и права. В Киргизии средняя заработная плата профессорско-преподавательского персонала в столичных университетах (г. Бишкек) составляет около 50 долл. в месяц. В самой бедной области страны — Нарынской — средняя «чистая» заработная плата составляет 30 долл. в месяц, что, по мнению одного профессора экономики, достаточно, чтобы покрыть двухнедельные расходы на проживание в г. Нарыне.

Картина коррупции в вузах Казахстана мало отличается от того, что выявлено опросами и исследованиями в других странах. Чем больше разница между зарплатой преподавателя в государственном университете и уровнем оплаты в частных вузах, чем выше вероятность того, что преподаватель возьмет взятку. Если получение взяток не выявляется и не преследуется или если санкции мягкие, распространение мздоимства возрастает [4; 33; 36; 40; 43]. Жесткие санкции против коррупции применяются в вузах, находящихся в иностранном управлении, таких как Американский университет Центральной Азии или Казахско-Турецкий университет. Здесь за взятки исключают студентов и увольняют преподавателей¹. Однако во многих вузах коррупция процветает практически открыто, а санкции в отношении преподавателей и студентов применяются редко. В нескольких университетах студенты сообщили, что некоторые профессора практикуют форму взяточничества, отличную от распространенной «таксы за оценку»: они назначают представителя для сбора взяток в группе до выставления экзаменационных оценок. Все студенты в группе знали, что взятку ждут. В других случаях родители посылали взятки профессорам до того, как их дети шли сдавать экзамены. Сложность экзаменов определяла сумму взятки. На заочной форме обучения взяточничество составляло почти 100%.

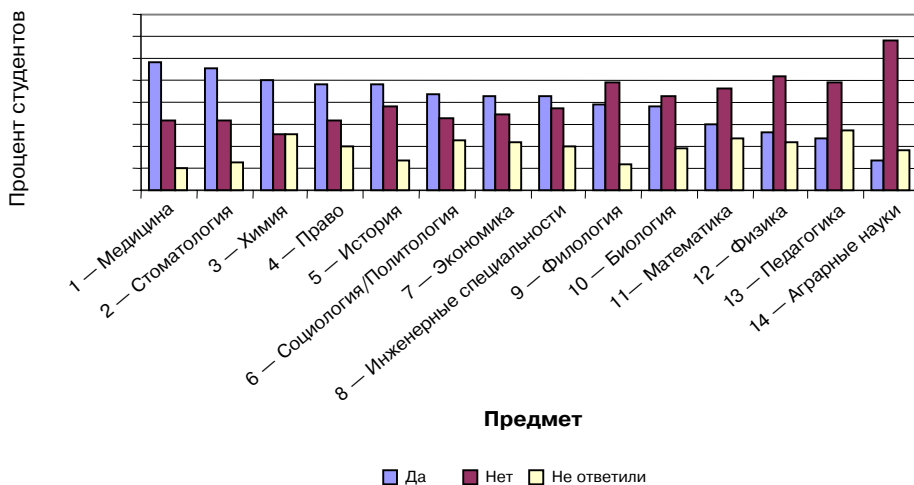
Аналогичная картина по разным дисциплинам наблюдается в Болгарии и Сербии. На рис. 2 показана доля студентов в Болгарии, которые приобрели учебник, написанный их преподавателем, поскольку это было условием сдачи экзамена. Указанный показатель самый высокий в медицине (58%) и стоматологии (54%), далее идут химия (50%), право, история, социология/политология, экономика, инженерные специальности/электроника (40–50%). В Сербии самыми коррумпированными областями знаний также являются медицина, экономика и право (табл. 6). Студенты этих факультетов с большей вероятностью платят другим студентам или преподавателям за сдачу экзамена, дают взятки или вынуждены покупать для себя учебник, написанный их преподавателем, они

¹ Здесь мы имеем в виду иностранные университеты, находящиеся в государственном управлении. Можно предположить, что аналогичная картина имеет место и в иностранных частных университетах, но пока мы не располагаем подтверждающими это фактами.

зачисляются на обучение незаконно или сталкиваются с коррупционностью администрации.

Рис. 2. Болгарские студенты, от которых в качестве условия сдачи экзамена требовалась покупка учебника, написанного профессором, по различным предметам, 2003 г. (%)

Источник: [31].

Таблица 6 Виды коррупции по специальностям обучения, Сербия, 2003 г.

	Сообщали часто или очень часто (%)	Никогда не сообщали (%)
(1) Студенты платят другим студентам за сдачу экзамена		
Экономика	45,5	3,5
Медицина	44,2	3,4
Право	40,5	1,6
(2) Студенты платят профессору за прием экзамена		
Экономика	12,5	13,0
Медицина	4,9	22,8
Право	9,7	15,7
(3) Студенты дают взятку профессорско-преподавательскому составу за завышение оценок		
Экономика	29,5	8,5
Медицина	26,9	6,2
Право	20,5	11,9
(4) Студенты вынуждены купить учебник, чтобы сдать экзамен*		
Экономика	29,5	8,5
Медицина	24,9	9,0
Право	28,1	8,6
(5) Сообщалось о коррупции администрации		
Экономика	25,5	6,0
Медицина	16,5	6,2
Право	33,4	4,9

* Студент вынужден купить учебник лично у преподавателя, вместо того чтобы взять его в библиотеке. В этом случае преподаватель получает авторский гонорар.

3. Коррупция и качество высшего образования

3.1. Коррупция, качество высшего образования и частные экономические выгоды

Образование потенциально выполняет две функции на рынке труда: это инвестиции в человеческий капитал и повышение производительности труда. Мы ожидаем, что каждый дополнительный год получения высшего образования увеличивает заработки, поскольку студент приобретает новые знания, навыки и жизненные ценности. Во-первых, и студент, и общество получают выгоду от частных инвестиций в высшее образование. Во-вторых, законченное высшее образование может быть для работодателей показателем того, что студент отличается большими способностями, что он честен и что он обладает потенциалом продуктивного работника [14], т.е. являться критерием подбора кадров [8]. Только самые способные студенты в состоянии завершить высшее образование, потому что у них связанные с этим затраты (времени, денег и усилий) ниже, чем у других студентов. Если образование сигнализирует о возможностях на рынке труда, индивидуальные инвесторы оказываются в выигрыше от получения высшего образования, но выгоды для общества малы.

Денежные выгоды, связанные с тем или иным уровнем образования, являются самым распространенным методом измерения экономической эффективности обучения [10]. Но качество образования существенно различается по странам [17], и можно ошибиться в экономических расчетах, если опираться только на количественные оценки полученного образования [5]. Для большинства стран все еще сложно найти надежные количественные измерители качества высшего образования [21]. Тем не менее определенный прогресс был достигнут благодаря разработке общих критериев качества [38; 45] и изучению связи между заработками, качеством образования и индивидуальными способностями [39; 23; 10; 9; 7]. Поскольку качество затруднительно измерить напрямую, обычно применяют косвенные критерии: престиж и селективность колледжа [22; 28; 23; 7; 41], тип или назначение обучения [39], а также индивидуальный курс обучения студента [34; 24]. В большинстве исследований было выявлено, что более высокое качество образования связано с более высокой зарплатой, при этом возникает вопрос: влияет ли на заработную плату использование колледжа как своеобразного инструмента скрининга [32; 26] или же зарплата зависит скорее от природных способностей, нежели от качества колледжа [10; 12; 13]?

В ряде исследований [27; 19; 44; 41] было выявлено, что какой бы косвенный критерий оценки качества обучения ни выбирался, престижность колледжа позитивно сказывалась на общем росте дохода на протяжении всей жизни. В одной из научных работ было показано, что норма прибыли от инвестирования в образование изменялась от малого (2,5%) до высокого (15,6%) значения в зависимости от показателя качества колледжа [30. Р. 612].

Коррупция сокращает как частные, так и общественные выгоды от инвестиций в образование. Например, если студент покупает завышенные оценки, то у него угасает мотивация к обучению. Про-

движение по службе в меньшей степени зависит от знаний и навыков, чем от уровня благосостояния и возможности платить за это продвижение. Сигнализирующая функция образования также уменьшается, если имеет место высокий уровень коррупции среди профессорско-преподавательского персонала и административных работников. Факт законченного образования теряет связь со способностями студентов, если зачисление на обучение и завышенные оценки продаются. Работодатель не знает, действительно ли студент окончил обучение и сделал это успешно благодаря своим способностям или же приобрел диплом и оценки незаконно, нечестным путем. Различия в способностях между студентами, оканчивающими коррумпированную программу, более значительны, чем в том случае, если они не обучались на программах такого рода. Даже если студент, обучающийся в коррумпированном учебном заведении, честен и обладает большими способностями, сигнальная ценность его уровня образования снижена.

Коррупция уменьшает сигнализирующую значимость диплома, но в некоторых районах — чаще всего сельских, с традиционным укладом — диплом сам по себе является сигналом особого рода: в Ошской и Джалалабадской областях Киргизии местные должностные лица говорили нам о том, что родители здесь покупают дипломы колледжей (а также магистерские) для своих дочерей, чтобы доказать, что их семья состоятельная. Диплом повышает ценность невесты на брачном рынке, а семья получит выгоду от удачного замужества дочери.

Работодатель, у которого есть возможность выбора кандидата, уменьшает риск найма на работу непродуктивного сотрудника, если избегает выпускников коррумпированных учебных заведений или программ, а берет на работу только студентов из учебных заведений, с факультетов, программ, имеющих хорошую репутацию. Если работодатель принимает в штат выпускника, обучавшегося на коррумпированной программе, то такому человеку придется соглашаться на существенно более низкую зарплату и на деле доказывать работодателю свою компетентность.

Коррупция, существующая на предвыпускном уровне, снижает вероятность завершения обучения. При приеме на выпускной уровень, особенно в западных университетах, меньше ценятся претенденты, окончивших учебные заведения, в которых коррупция считается обычным явлением. Вероятность того, что будут отобраны кандидаты, обучавшиеся на коррумпированных программах, мала, поскольку полученные в ходе тестирования завышенные оценки не свидетельствуют об их способности выполнить выпускную квалификационную работу на должном уровне.

Если работодатели имеют представление об уровне коррупции в разных вузах или на определенных программах, можно ожидать, что и при отборе кандидатов на должность, и при назначении зарплаты они будут отдавать предпочтение студентам, обучавшимся в университетах с низким уровнем коррупции в преподавательской

среде¹. Экономическая эффективность и сигнальные функции образования отражены посредством стандартных характеристик, приведенных в формуле (1).

$$\ln(W_{it}) = \ln(W_0) + \beta_1 S_{it} + \beta_2 X_{it} + \beta_3 Z_{it} + \varepsilon_{it}. \quad (1)$$

Логарифм заработка (W) работника i в момент времени t является функцией образования (S), рыночного опыта (X) и других наблюдаемых характеристик (Z) работника i , влияющих на решение о трудоустройстве и заработной плате. β_1 — это годовая норма прибыли за каждый год инвестиций в образование, если S измеряют в годах обучения в школе. На β_1 влияет коррупция (C), существующая в учебном заведении, которое посещает студент i . Если коррупция снижает качество образования и, следовательно, производительность труда, то она уменьшает и выгоды от образования. Однако если коррупция в образовательном секторе выступает в качестве «смазки» на рынке труда и дает возможность работникам поступить на более доходное и, вероятно, более коррумпированное место работы, выгода от образования могла бы быть выше, если бы коррупция в образовании была распространена повсеместно. Если образование обладает меньшей ценностью на рынке труда, когда оно получено посредством коррупции, работодатели, принимая решение о найме работников, могут отдать предпочтение другим характеристикам работников, связанным с производительностью, но не связанным с образованием, таким как предыдущий опыт работы, здоровье и семейное положение. В условиях коррупции может возрасти значение опыта и других характеристик производительности (β_2). В общем виде

$$\beta_j = f(C), j=1,2,$$

$$\frac{\partial \beta_1}{\partial C} < 0 \text{ and } \frac{\partial \beta_2}{\partial C} > 0,$$

если X увеличивает заработок работника i .

Данная модель аналогична моделям качества образования, предлагаемым С. Link [24] и другими авторами.

Располагая информацией о заработной плате работника, полученном им образовании, коррупции в сфере образования и другими характеристиками, можно измерить влияние коррупции на размер выгод от образования с использованием линейной регрессии и учитывая взаимосвязь между количеством и качеством (коррупции) в образовательном секторе:

$$\ln(W_{it}) = a + b_1 S_{it} + c_1 (SC)_{it} + b_2 X_{it} + c_2 (XC)_{it} + b_3 Z_{it} + e_{it}, \quad (2)$$

¹ Не все работодатели видят коррупцию в образовательном секторе в одинаковом свете. Наиболее обеспокоены ею международные компании, имеющие транснациональный доступ к кандидатам на трудоустройство и поэтому самые требовательные в этом вопросе, а также частные предприятия. Мы брали интервью у работодателей, относящихся ко второй категории.

где a , b_j и c_j ($j = 1, 2, 3$) — расчетные коэффициенты регрессии. Значение числа лет обучения в отсутствие коррупции составляет b_1 (>0), а наличие коррупции снижает отдачу от образования до $b_1 + c_1 \cdot C$, если $c_1 < 0$ и C имеет положительное значение.

Если работодатели больше полагаются на другие характеристики, связанные с производительностью (X) при наличии коррупции ($c_2 > 0$), то вклад X в логарифм заработной платы увеличивается до $b_2 + c_2 \cdot C$. Например, если коррупция в образовательном секторе широко распространена, то работодатели начинают больше ценить предшествующий опыт, потому что у таких работников уже наработан определенный задел компетентности. Либо работодатели предпочтут молодых работников, предполагая у них меньшую коррупционность. Эмпирическим путем мы пытаемся установить, так ли это на самом деле.

В формулах (1) и (2) сделано допущение, состоящее в том, что уровень коррупции является внешней характеристикой по отношению к заработной плате и на него не влияют ненаблюдаемые характеристики работников, такие как присущая им честность или их способности. Однако есть целый ряд причин сомневаться в правомерности такого допущения. Студенты, готовые дать взятку, более вероятно будут выбраны из нижней части «хвоста» распределения способностей, и они имеют другие источники дохода, возможно, полученные путем незаконных сделок. Берущие взятки профессора также появляются не случайно. Вероятнее всего, взяткополучатели формируются в высоко востребованных областях знаний, где им платят относительно маленькую зарплату в сравнении с их реальной ценностью на внешнем рынке труда. Если профессор выпускает высокопродуктивных студентов, это является для частного сектора индикатором высокой производительности. Следствием этого является дополнительный доход, полученный на основе внешних контрактов, грантов и неполной занятости. Профессора с низкими способностями и низкой ценностью на внешнем рынке труда скорее потребуют взятку, чтобы компенсировать свое недостаточное профессиональное мастерство. В этом случае расчет регрессии в формуле (2) дает смещенную оценку выгод от образования при наличии коррупции и в ее отсутствие. Если составляющая фиксированного эффекта остатка коррелирует с представлениями о коррупции, то регрессивная модель фиксированных эффектов, которую мы рассчитываем, минимизирует это смещение. Используемые нами данные *Transparency International* не содержат никаких переменных, которые могли бы быть применены для того, чтобы идентифицировать представления о коррупции каким-либо другим способом с помощью расчета инструментальных переменных. В будущих исследованиях представлений о коррупции в образовании более точные определения могли бы способствовать уменьшению риска, связанного с получением отклонений в ее интерпретации.

3.2. Данные и оценки

Для расчета модели (2) используется информация о коррупции в сфере образования, которой располагает *Transparency International (TI)* и которая содержится в докладе *Global Corruption Barometer — 2005*. Эти данные получены на основании опросов общественного мнения, проведенных с мая по октябрь 2005 г. *Gallup Organization* для *Transparency International*. В 69 странах были проинтервьюированы лично или по телефону свыше 55 000 человек¹.

Как правило, опросы проводились в национальном масштабе по случайным выборкам. В некоторых странах опрос проводился только в городах (например, в Таиланде) или в столицах (например, в Грузии). Hutchinson, Lavens и Wolkens [20] предоставили больше информации о проведенных обследованиях, а также их результаты.

В формуле (2) зависимой переменной является логарифм дохода. Однако в данных *TI* доход представляет переменную, которая может иметь только одно из трех значений. Значение 1 соответствует доходу от низкого до среднего уровня, 2 — от среднего до высокого, 3 обозначает высокий доход. Рассчитываются два варианта модели (2). В первом случае осуществляется попытка предугадать, будет ли человек иметь высокий доход. Зависимая переменная — это фиктивная переменная, равная 1, когда респондент сообщает, что у него высокий доход, и равная 0 для низкого или среднего дохода. Во втором случае выясняется, будет ли человек получать низкий доход. Зависимая переменная — это фиктивная переменная, равная 1, если респондент сообщает, что имеет низкий доход, и равная 0 для высокого или среднего дохода. Рассчитав оба варианта модели, можно получить более достоверную картину влияния коррупции в образовании на экономическое благосостояние.

Мера коррупции в образовании, которой мы пользуемся в настоящем исследовании, основана на представлении населения о коррупции в секторе образования. Участникам обследования был задан вопрос о том, в какой степени в их стране охвачен коррупцией сектор образования. Шкала оценок имеет диапазон от 1 до 5, где 1 означает отсутствие коррупции, а 5 — высшую степень ее распространения. При этом в обследовании не рассматривается фактический коррупционный опыт респондентов.

В модели используется ограниченный набор данных об образовании и других персональных характеристиках работников. Показатель образования (S) может принимать два значения: 1) наличие среднего или высшего образования; 2) отсутствие образования или наличие базового образования. Используются также такие характеристики, как возраст (два значения показателя: моложе 30, 51–65 и старше 65 лет / 31–50 лет), пол (1 — мужской, 0 — жен-

¹ Из стран Восточноевропейского и Евразийского региона в исследовании участвовали Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Чешская Республика, Грузия, Косово, Литва, Македония, Молдова, Польша, Румыния, Россия, Сербия и Украина.

ский), регион (Западная Европа, Центральная и Восточная Европа, Латинская Америка, Азиатско-Тихоокеанский регион, Средний Восток, Африка и Северная Америка). Включены еще две переменные, определяющие коррупционную среду в каждой стране. Первая из них характеризует влияние коррупции на политическую жизнь (1 — низкая степень влияния... 5 — чрезвычайно высокая степень влияния), а вторая оценивает изменение распространения коррупции за последние три года (1 — значительно выросла ... 4 — значительно сократилась).

В формуле (2) представлены две меры коррупции: во-первых, в целом (Z), а во-вторых, взаимосвязь между средним и высшим образованием и коррупцией в образовательном секторе (C). Коэффициенты взаимосвязи между коррупцией и образованием показывают, опосредует ли коррупция в образовании то влияние, которое инвестиции в среднее и высшее образование оказывают на доход (c_1). Формула (2) отражает также взаимосвязь коррупции с возрастом и полом респондентов, а коэффициенты взаимосвязи показывают, опосредует ли коррупция в образовании то влияние, которое опыт и пол имеют на величину дохода (c_2).

Исследование было проведено в 68 странах, им охвачены 36 404 человека в возрасте моложе 65 лет. Получены данные о доходах респондентов, распространении коррупции, образовании и возрасте опрошенных. Около 45% участников указали, что получают низкий или средний доход и почти 15% — высокий. Примерно половина опрошенных имеет законченное среднее образование, 18% — только базовое образование и 31% — высшее образование. В расчеты не был включен ни один представитель китайской выборки, поскольку там данные о доходах не собирались. Средний балл оценок распространения коррупции в образовании составил 3,3.

Рисунки 3 и 4 иллюстрируют различия в представлениях о распространении коррупции в образовании в разных регионах, в частности в Восточной и Центральной Европе и Центральной Азии. В странах с самыми высокими доходами менее 40% респондентов сообщили о высоком уровне коррупции (оценки 4 или 5). В других регионах коррупция в образовании распространена шире. Так, в странах Латинской Америки и на Среднем Востоке высокий уровень коррупции отмечают более 60% респондентов. В Европе более высокий уровень коррупции отмечается в странах Содружества независимых государств (Россия, Молдова, Украина) и в Грузии, а самый низкий — в странах Европейского союза (Литва, Чешская Республика, Польша) и в странах — кандидатах на вступление в ЕС (Болгария, Румыния).

Попарные сравнения (Levene and Brown and Forsythe robust tests) указывают на значительные различия представлений внутри регионов. Регионы Восточной и Центральной Европы и Центральной Азии характеризуются более существенным разбросом представлений о коррупции, чем Западная Европа, Латинская Америка,

малодоходные страны Азии и Среднего Востока, и меньшим разбросом по сравнению с другими регионами. В пределах Восточной и Центральной Европы и Центральной Азии различия в представлениях о коррупции минимальны в странах СНГ и максимальны — в странах бывшей Югославии.

Рис. 3. Представления о коррупции в образовании

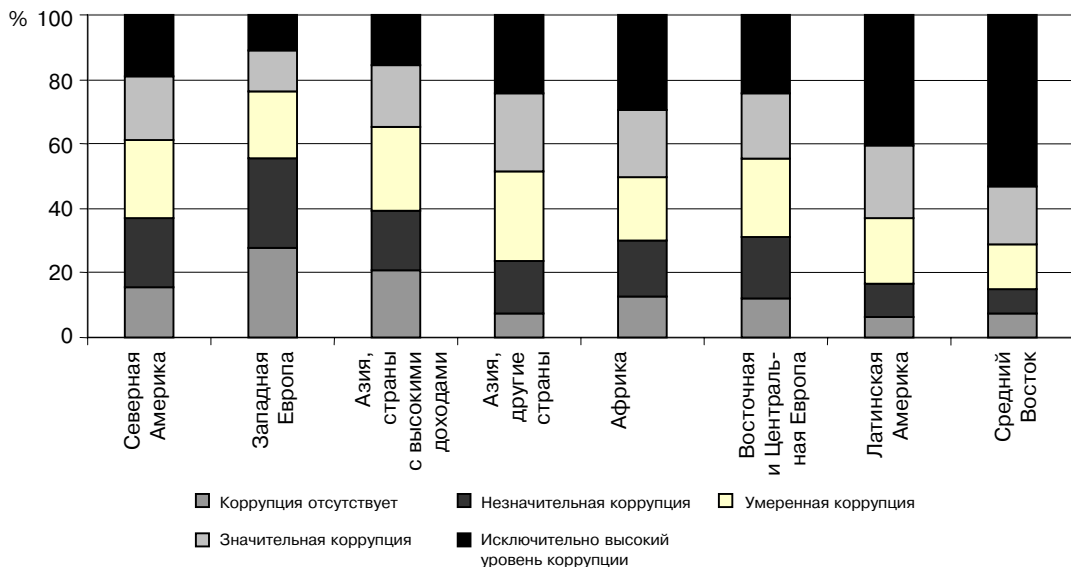
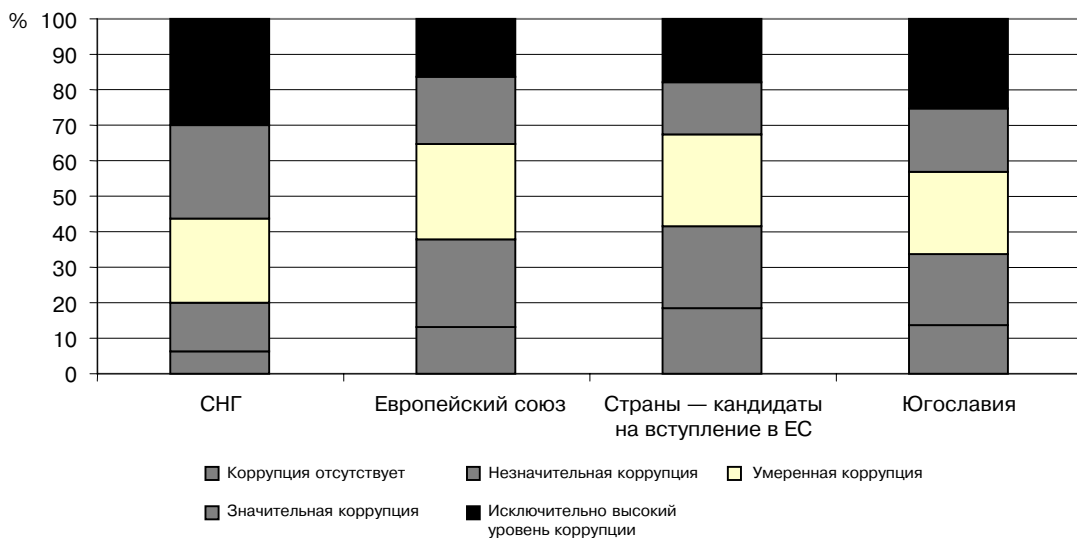

Рис. 4. Представление о коррупции в образовании, регион Восточной и Центральной Европы

Поскольку переменная дохода является категориальной переменной, рассчитываем (1) с помощью линейной модели вероятно-

сти. Y_{ij} — это переменная индикатора дохода, она равняется 1, если индивидуум i в стране j сообщает, что имеет высокий доход либо что он не беден (имеет средний или высокий доход), и равняется 0, если опрашиваемый оценивает себя как человека с низким доходом. Мы регрессируем Y на X , включающий две образовательные переменные (S_{sed} , S_{hed}), возраст, пол, политическую коррупцию и изменение коррупции (Z), а также соотношение между коррупцией в образовании и образованием, возрастом и полом. Сделано допущение, что случайная ошибка включает две составляющие: не зависящую от человека, присущую стране (v_j) и специфическую для индивидуума (e_{ij}). Первая составляющая измеряет вкусы и культурные, социальные и экономические нормы в стране j , общие для всех жителей в стране j , и, вероятно, влияет на представления о коррупции, достижения в образовании и сообщенный уровень дохода. Чтобы исключить влияние таких эффектов на расчет вектора коэффициента B , при расчете используется модель фиксированных эффектов с устойчивыми стандартными погрешностями. Такая модель представлена в формуле (3):

$$Y_{ji} = X_{ji} B + v_j + e_{ji}. \quad (3)$$

Можно увидеть маргинальное влияние полученного образования на вероятность иметь высокий доход (табл. 7) и на вероятность низкого дохода (табл. 8) там, где коррупция отсутствует и где она максимальна (показатель коррупции 5)¹. Маргинальное влияние среднего и высшего образования соотнесено с начальным образованием. Ячейки выделены жирным шрифтом, если коррупция в образовании напрямую изменяет влияние среднего или высшего образования на доход в сравнении с начальным образованием².

Было проведено сравнение влияния среднего и высшего образования на доходы там, где коррупция в образовательной сфере отсутствует, и там, где она максимальна (показатель коррупции 5). Можно предположить, что лица с высшим образованием с большей степенью вероятности будут бедны и с меньшей степенью вероятности будут иметь высокий доход в условиях, когда коррупция в образовании возрастает.

В азиатских странах с высоким и низким уровнем дохода, в странах Восточной и Центральной Европы, в Западной Европе среднее образование при отсутствии коррупции в образовательном секторе повышает вероятность высоких доходов в сравнении с базовым образованием, и этот эффект лежит в пределах от значений выше 0,05 в азиатских странах с низкими доходами до значений выше 0,18 в азиатских странах с высокими доходами. Эффект среднего образования составляет свыше 0,05 по всем стра-

¹ На Среднем Востоке и в странах — новых членах ЕС, странах — кандидатах на вступление в ЕС, а также в республиках бывшей Югославии не наблюдалось взаимосвязи между коррупцией в образовании и высоким или низким доходом.

² Мы предполагаем, что в расчетах, приведенных в табл. 7 и 8, незначительный коэффициент имеет значение, равное 0.

Таблица 8 Коррупция в образовании, уровень полученного образования и вероятность низкого дохода^a

Страна	Коррупции нет (C = 0)			Коррупция максимальна (C = 5)		
	Среднее образование в сравнении с базовым образованием: b_{sc}	Высшее образование в сравнении с базовым образованием: b_{hed}	Высшее образование в сравнении со средним образованием: $b_{sed} - b_{hed}$	Среднее образование в сравнении с базовым образованием: $b_{sed}^* = b_{sed} + b_{sc}C$	Высшее образование в сравнении с базовым образованием: $b_{hed}^* = b_{hed} + b_{hc}C$	Высшее образование в сравнении со средним образованием: $b_{hed}^* - b_{sed}^*$
Все страны	-0,177	-0,349	-0,172	-0,177	-0,349	-0,172
Страны с высокими доходами						
Западная Европа	-0,239	-0,336	-0,097	-0,104	-0,336	-0,232
Северная Америка	-0,312	-0,392	-0,080	-0,312	-0,392	-0,080
Азия, страны с высокими доходами	-0,277	-0,499	-0,222	-0,277	-0,499	-0,222
Страны с низкими доходами						
Азия, страны с низкими доходами	-0,094	-0,379	-0,285	-0,239	-0,379	-0,140
Африка	0,000	-0,224	-0,224	-0,070	-0,224	-0,154
Латинская Америка	-0,144	-0,313	-0,169	-0,144	-0,433	-0,289
Регион Восточной и Центральной Европы и Центральной Азии	-0,175	-0,416	-0,241	-0,175	-0,326	-0,151
СНГ	0,000	-0,401	-0,401	-0,130	-0,241	-0,111

^a Жирным шрифтом выделены данные, свидетельствующие о том, что коррупция опосредует влияние уровня образования на вероятность низкого дохода. Если эффект высшего образования изменяется, но не выделен жирным шрифтом, это значит, что такое изменение происходит вследствие того, что коррупция изменяет влияние среднего образования, а не прямое влияние высшего образования.

Влияние образования в низкодоходных моделях является зеркальным отражением картины, складывающейся в высокодоходных моделях, но здесь оно более существенно. Во всех регионах, кроме Африки, завершение среднего образования по сравнению с начальным образованием *уменьшает* вероятность того, что человек будет беден, в среднем на 0,18, этот показатель варьирует от 0,09 в малодоходных азиатских странах до 0,28 в высокодоходных азиатских странах. Во всех регионах наличие высшего образования уменьшает вероятность быть бедным по сравнению со средним образованием в среднем на 0,17, или примерно на 4,25% за каждый год высшего образования. Что касается региона Восточной и Центральной Европы и Центральной Азии, то высшее образование является самым эффективным средством избавления от нищеты в странах СНГ, где оно уменьшает вероятность быть бедным примерно на 10% за год инвестиций в высшее образование.

В Африке, Западной Европе, Северной Америке и высокодоходных странах Азии высшее образование становится менее эф-

эффективным средством получения высокого дохода, если в образовании наблюдается значительная коррупция. В Африке влияние высшего образования на вероятность высокого дохода снижается примерно на 70% — от 0,21 до 0,06 — в условиях максимальной коррупции ($C = 5$). В Западной Европе влияние высшего образования на вероятность высокого дохода уменьшается примерно на 25% — от 0,165 до 0,125 — при максимальной коррупции.

Коррупция в образовании снижает способность высшего образования не допустить нищенского положения людей в Западной Европе, низкодоходных странах Азии, Африки и Латинской Америки, а также в странах Восточной и Центральной Европы и Центральной Азии. Что касается последнего региона, то в нем указанный эффект в наибольшей степени проявляется в странах СНГ, где в условиях максимальной коррупции *увеличивается* вероятность того, что люди с высшим образованием будут бедны. В отсутствие коррупции высшее образование по сравнению со средним образованием уменьшает на 40% вероятность получения низких доходов. При максимальной коррупции влияние высшего образования на вероятность низких доходов падает до $-0,11$; это 70%-е *сокращение* способности высшего образования по сравнению со средним образованием уберечь людей от нищеты, и численность высокообразованных людей в бедных семьях *возрастает*, если коррупция в секторе образования значительна. Высшее образование является также менее эффективным способом сокращения нищеты в условиях значительной коррупции в образовании в Африке и низкодоходных странах Азии. Но это связано с тем, что коррупция делает среднее образование более привлекательным. В Латинской Америке коррупция, напротив, уменьшает вероятность того, что высокообразованные люди будут жить в бедности.

Полученные результаты позволяют предположить, что коррупция в сфере образования изменяет способность образования влиять на рост дохода. В целом коррупция в образовании в максимальной степени влияет на возможность получения высокого дохода в богатых странах Азии, Северной Америки и Западной Европы. В то же время в странах с меньшими доходами коррупция оказывает максимальное влияние на возможность получения низкого дохода. За незначительными исключениями высшее образование все же увеличивает доход, но этот эффект существенно ниже, поскольку коррупция в образовании распространена повсеместно¹.

Далее обратим внимание на то, как влияет коррупция на экономические выгоды от инвестиций в образование.

Обзор литературы о внутренней норме прибыли в образовании в странах Восточной и Центральной Европы и Центральной Азии содержится в работе Anderson [2]. Можно предположить, что конт-

¹ На данные результаты могут влиять другие институциональные факторы качества, и они могли бы стать предметом будущего анализа.

рольная внутренняя норма прибыли в высшем образовании составляет 0,2 там, где отсутствует значительная коррупция в образовании. В Киргизии типичный выпускник средней школы зарабатывает около 600 долл. в год; четыре года обучения в колледже повышают его зарплату на 20%, а выпускник колледжа, обучившись в течение четырех лет, зарабатывает в среднем 720 долл. в год. Если заработки человека растут на 3% в год, учетная ставка составляет 3%, и он работает в течение 40 лет, то за всю свою жизнь, получив образование в колледже, он заработает около 28 800 долл., т.е. на 4800 долл. больше, чем человек, получивший среднее образование¹. В представленных расчетах сделано допущение, что в условиях коррупции ценность опыта не изменяется. Если распространенная повсеместно коррупция сокращает добавочный доход от высшего образования на 70% — от 0,2 до 0,06, то выпускник колледжа зарабатывает в среднем на 6% больше типичного выпускника средней школы, или 636 долл. в год. За 40 лет он заработает 25 440 долл., то есть на 1440 долл. больше, чем лица со средним образованием. Коррупция снижает доход, накопленный за всю жизнь от инвестиций в образование, на 2360 долл., или на 50% от суммы, которая может быть получена в условиях некоррупцированного высшего образования.

Хотя эти выводы не основываются на прямом расчете экономической выгоды от образования, они согласуются с данными, полученными в Киргизии в ходе недавних интервью с менеджерами фирм, государственными чиновниками и профессорско-преподавательским персоналом университетов в пяти областях². Фирма, специализирующаяся в области высоких технологий, выдвигала требование, чтобы работники имели диплом колледжа, и платила около 200 долл. в месяц при приеме на работу. Новых работников эта фирма набирала из четырех вузов: Американского университета Центральной Азии, Турецко-Киргизского университета, Славянского (Российско-Киргизского) университета и Киргизского государственного университета. Три из них представляют собой зарубежные вузы, где, судя по результатам опроса, уровень коррупции самый низкий. Ответы студентов региональных и более мелких университетов не учитывались. Кроме того, данная фирма, а также все остальные фирмы, принимавшие на работу тех, кто обучался в колледже, устанавливали трехмесячный срок ученичества (интернатуры), в течение которого менеджеры обращали внимание вновь принятых работников на то, что слабые студенты будут уволены. На некоторых фирмах и по крайней мере в одном государственном министерстве были введены письменные тесты, которые требова-

¹ Рост заработной платы, составляющий 3% в год, является обычным показателем влияния опыта работника в государствах с переходной экономикой.

² Все опрошенные фирмы пользовались консультационными услугами по менеджменту в рамках Программы развития занятости, спонсируемой Агентством США по международному развитию (USAID) через фирму Pragma Corporation. Эти фирмы представляют собой адекватную исследованиям выборку предприятий.

лось пройти до принятия на работу. Такой тест позволил распознать студентов государственных вузов, купивших свои дипломы, и действительно образованных претендентов. И наконец, в большинстве опрошенных фирм сообщили, что по возможности у них применяют стимулирование за высокие показатели: работникам выдают бонусы или однократные выплаты в дополнение к месячному заработку.

Использование подобного инструментария для отбора претендентов требует от фирм дополнительных затрат и связано с неопределенностью относительно качества полученного студентами образования¹. Важнее всего то, что на фирмах, где проводилось обследование, в частном секторе, а также на ряде государственных предприятий студентов высококоррупцированных университетов не рассматривали как кандидатов на работу в качестве специалистов; их не принимали и на иностранные предприятия. Если считать, что лучшим вариантом для студентов, окончивших коррупцированные программы, является трудоустройство на государственное предприятие со стартовой зарплатой 50–70 долл. в месяц, то потери дохода огромны. Если для работы на государственном предприятии отбирают студента, обучавшегося на коррупцированной программе, — возможно, за взятки, — то индивидуальные издержки от коррупции падают, но социальные возрастают.

4. Выводы: политические последствия

Хотя коррупция в секторе образования в Советском Союзе существовала, она, видимо, имела более скромные масштабы по сравнению с современным уровнем. Факторами роста коррупции в образовании явились децентрализация ответственности в сфере принятия политических решений (в результате чего стало сложнее контролировать участников образовательных рынков), многообразие форм собственности и целей деятельности в сфере образования, а также отсутствие опыта внедрения профессиональных норм без применения традиционных санкций. Кроме того, частное образование и платные формы в государственном секторе образования являются новацией в данной сфере, и нет достаточного опыта в том, как следует реагировать на ожидания студентов, обучающихся на платной основе².

Степень коррупцированности высшего образования оценивалась на основе опросов студентов шести стран: Киргизии, Казахстана, Хорватии, Молдовы, Сербии и Болгарии. Можно предположить, что масштабы коррупции меняются в соответствии с рыночным спросом на изучаемые предметы, и чаще всего коррупция

¹ Следующим этапом в попытке исследовать цену коррупции в высшем образовании мог бы быть тщательный анализ денежной стоимости соответствующих механизмов выбора для частного и государственного секторов.

² Там, где профессиональные продукты предназначены для продажи. Кодекс поведения и юридические соглашения, в которых будут сформулированы права и обязанности студентов и профессорско-преподавательского персонала, только начинают формироваться.

встречается в наиболее востребованных областях знаний. Коррупция также с большей вероятностью развивается в национальных университетах, в которых действует местный профессиональный кодекс поведения, и с меньшей — в университетах, аккредитованных в Европе и Северной Америке.

Можно предположить, что расходы на студента, который посещает университет с высоким уровнем коррумпированности, прямо ведут к уменьшению экономического воздействия на качество высшего образования. На основании данных *Transparency International*, связанных с представлением о коррупции в сфере образования в 68 странах, мы видим, что ее уровень существенно уменьшает выгоды от высшего образования. Когда коррупция получает широкое распространение, высокообразованные люди с меньшей вероятностью констатируют получение высоких доходов в высокодоходных странах и в Африке и с большей вероятностью будут бедны в странах Восточной и Центральной Европы и Центральной Азии, Африки и в низкодоходных азиатских странах. Снижение эффективности высшего образования в виде высоких доходов составляет от 25 до 70%.

Наряду с государствами — членами Европейского союза многие страны Европейского и Центральноазиатского регионов участвуют в Болонском процессе. Одной из его целей является обеспечение эквивалентности университетских степеней в надежде на то, что это будет способствовать трансферу студентов и большей мобильности на рынке труда. Независимо от того, существует ли коррупция на самом деле или только предполагается, что она возможна, университеты или университетские системы с плохой репутацией в части их коррумпированности, весьма вероятно, сведут на нет Болонский процесс: это все равно что одностороннее разоружение в рамках ЕС. Трудно себе представить, что страна или университет с высокой репутацией позволят, чтобы их дипломы приравнивали к дипломам коррумпированных вузов.

Еще одна сторона коррупции в сфере образовании затрагивает деятельность агентств, содействующих его развитию, многие из которых осуществляют инвестиции в высшее образование. Когда станет ясно, что эффект от инвестиций существенно уменьшается, если вложения были сделаны в высококоррумпированные системы высшего образования, эти агентства могут пересмотреть свою стратегию.

Существует много механизмов, которые страна или университет могут использовать, чтобы снизить вероятность распространения коррупции и уменьшить представление о том, что они коррумпированы. Это и кодекс поведения профессорско-преподавательского персонала, административных работников и студентов, и декларации о честности на общедоступных веб-сайтах, и университетские «суды», на которых заслушиваются дела о ненадлежащем поведении, и ежегодные доклады, информирующие общественность об изменении количества выявленных случаев корруп-

ции и ее типах. Внедрение таких механизмов могло бы стать обязательным условием для университетов в тех странах, которые рассчитывают на то, что их дипломы будут объявлены эквивалентными дипломам университетов ЕС, или которые надеются на поддержку международных партнеров.

Однако первым шагом на пути к эффективному политическому вмешательству является получение информации об имеющемся опыте и цене коррупции. Рекомендуется регулярно проводить исследования, подобные рассмотренным в данном материале¹. Установлено, что если в одной стране обследования проводились дважды, наблюдалось существенное сокращение коррупции. Это позволяет предположить, что когда возможность огласки случаев коррупции и профессионального несоответствия становится реальной, предрасположенность к коррупционному поведению уменьшается.

Литература

1. Ahlin Christopher, Bose Pataki (2006) The pitfalls of a partially honest bureaucracy: Bribery, inefficiency and bureaucratic delay. Forthcoming, *Journal of Development Economics*.
2. Anderson Kathryn (2006) The importance of social investments for economic growth and governance in transitioning states: a survey of recent evidence. Report prepared for United States Agency for International Development through Aguirre International.
3. Bardhan Pranad (1997) Corruption and development: a review of issues // *Journal of Economic Literature*. Vol. 35 (September). P. 1320–1346.
4. Becker Gary S., Stigler George J. (1974) Law enforcement, malfeasance, and compensation of enforcers // *Journal of Legal Studies*. Vol. 3. P. 1–19.
5. Behrman Jere R., Birdsall Nancy (1983) The quality of schooling: Quantity alone is misleading // *American Economic Review*. Vol. 73 (December). P. 928–946.
6. Braxton John M., Bayer A. E. (1999) Faculty misconduct in collegiate teaching. Baltimore, MD: John Hopkins University Press.
7. Brewer Dominic J., Eide Eric R., Ehrenberg Ronald G. (1999) Does it pay to attend an elite private college? Cross-cohort evidence on the effects of college type on earnings // *Journal of Human Resources*. Vol. 34. (Winter). P. 104–123.
8. Collins Randall (1979) *The credential society: An historical sociology of education and stratification*. New York: Wiley and Sons.
9. Dale Stacy B., Krueger Alan B. (1999) Estimating the payoff to attending a more selective college: An application of selection on observables and unobservables. NBER Working Paper № 7322. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research.
10. Griliches Zvi, Mason William M. (1972) Education, income and ability // *Journal of Political Economy*. Vol. 80 (May-June, Part 2). P. S74–S103.
11. Gupta Ganjeev, Davoodi Hamid, Tiongson Erwin (2002) Corruption and provision of health care and education services. In: George T. Abed, Sanjeev Gupta (eds.) *Governance, corruption and economic performance*. Washington, DC: The International Monetary Fund.

¹ Полный перечень мероприятий, направленных на уменьшение масштабов коррупции в образовании, приведен в работе [16].

12. Hause John C. (1971) Ability and schooling as determinants of lifetime earnings or If you're so smart, why aren't you rich? *American Economic Review*. Vol. 61 (May). P. 289–298.
13. Hause John C. (1972) Earnings profile: Ability and schooling // *Journal of Political Economy*. Vol. 80 (May-June). P. 108–138.
14. Heyneman S.P. (2002/3) Defining the influence of education on social cohesion // *International Journal of Educational Policy, Research and Practice* Vol. 3 (Winter). P. 73–97.
15. Heyneman S.P. (2003) Education and misconduct. In: James Guthrie (ed.) *Encyclopedia of Education*. New York: Maxmillan Publishers, Vol. 5. P. 1659–1668.
16. Heyneman S.P. (2004a) Education and corruption // *International Journal of Education Development*. Vol. 24 (6). P. 638–648.
17. Heyneman S.P. (2004b) International education quality // *Economics of Education Review*. Vol. 23 (August). P. 441–452.
18. Heyneman S.P. (2005) Organizations and social cohesion // *Peabody Journal of Education*. Vol. 80 (4). P. 1–8.
19. Hilmer Michael J. (2002) Human capital attainment, university quality, and entry-level wages for college transfer students // *Southern Economic Journal*. Vol. 69. (October). P. 457–469.
20. Hutchinson Francis, Lavens Tom, Wolkens Marie (2005) Report on the Transparency International Global Corruption Barometer 2005. Berlin, Germany: Transparency International-International Secretariat, Policy and Research Department.
21. James Estelle, Alsalam Nabeel, Conaty Joseph C., Duc-Le To (1989) College quality and future earnings: Where should you send your child to college? *The American Economic Review*. Vol. 79 (2). P. 247–252.
22. Kingson Paul William, Lewis Lionel S. (1990) Introduction: Studying elite schools in America. In: Paul William Kingston, Lionel S. Lewis (eds.) *The high status track: Studies of elite schools and stratification*, P. xi–xxxiv. Albany: State University of New York Press.
23. Kingston Paul William, Smart John C. (1990) The economic payoff of prestigious colleges. In: Paul William Kingston, Lionel S. Lewis (eds.) *The high-status track: Studies of elite schools and stratification*. P. 147–174. Albany: State University of New York Press.
24. Link Charles R. (1973) The quantity and quality of education and their influence on earnings: The case of chemical engineers // *The Review of Economics and Statistics*. Vol. 55 (May). P. 241–247.
25. Mauro Paulo (1995) Corruption and growth // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 110 (August). P. 681–712.
26. McGuinness Seamus (2003a) Graduate overeducation as a sheepskin effect: Evidence from Northern Ireland // *Applied Economics*. Vol. 35 (March 20). P. 597–608.
27. McGuinness Seamus (2003b) University quality and labour market outcomes // *Applied Economics*. Vol. 35 (December 15). P. 1943–1955.
28. Mueller Ralph O. (1988) The impact of college selectivity on income for men and women // *Research in Higher Education*. Vol. 29 (October). P. 175–191.
29. Noah Harold J., Eckstein Max A. (2001) *Fraud and Education: The worm in the apple*. Lanham (Maryland): Towman and Littlefield Publishers.
30. Ono Hiroshi (2004) College quality and earnings in the Japanese labor market // *Industrial Relations*. Vol. 43 (July). P. 595–617.
31. Posliyski S., Vatev V., n.d. Survey report: Corruption in higher education. Sofia, Bulgaria: Anti-Corruption Student Network in South Eastern Europe. Mimeographed.

32. Psacharopoulos George (1974) College quality as a screening device // *Journal of Human Resources*. Vol. 9 (Fall). P. 556–558.
33. Rose-Ackerman Susan (1975) The economics of corruption // *Journal of Public Economics*. Vol. 4 (February). P. 187–203.
34. Rumberger Russell W., Thomas Scott L. (1993) The economic returns to college, major, quality, and performance: A multilevel analysis of recent graduates // *Economics of Education Review*. Vol. 12 (March). P. 1–19.
35. Shleifer Andrei, Treisman Daniel (2005) A normal country: Russia after communism // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 19 (Winter). P. 151–174.
36. Shleifer Andrei, Vishny Robert W. (1993) Corruption // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 108(August). P. 599–617.
37. Silova Iveta, Johnson Mark, Heyneman Stephen (2007) Education and the crisis of social cohesion in Azerbaijan and Central Asia // *Comparative Education Review*. Vol. 51. № 2. P. 159–180.
38. Solmon Lewis C. (1975) The definition of college quality and its impact on earnings // *Explorations in Economic Research*. Vol. 2. P. 537–587.
39. Solmon Lewis C., Wachtel Paul (1975) The effect on income of type of college attended // *Sociology of Education*. Vol. 48 (Winter). P. 75–90.
40. Sosa Luis A. (2004) Wages and other determinants of corruption // *Review of Development Economics*. Vol. 8(4). P. 597–605.
41. Strayer Wayne (2002) The returns to school quality: College choice and earnings // *Journal of Labor Economics*. Vol. 20 (3). P. 475–503.
42. Transparency International Corruption Perceptions Index 2006. Press Release. http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2006.
43. van Rijckeghem Caroline, Weber Beatrice (2001) Bureaucratic corruption and the rate of temptation: Do wages in the civil service affect corruption and by how much? // *Journal of Development Economics*. Vol. 65(2). P. 307–331.
44. Wales Terence J. (1973) The effect of college quality on earnings from the NBE thornkike data // *Journal of Human Resources*. Vol. 8 (Summer). P. 306–317.
45. Welch Finis (1966) Measurement of the quality of schooling // *American Economic Review*. Vol. 56 (June). P. 379–392.